

Верность земле — верность себе

Пolemические заметки

А не написать ли статью, ну, скажем, о том, как выглядит сельская тема в произведениях ставропольских поэтов? Аргументов «за» сколько угодно.

Во-первых, сломав не одно копые, критики уже почти узаконили в литературе термины «деревенщики» и «горожане», на все лады муссируя тезис о «разделении труда». В дискуссии «Современная поэзия — истоки и тенденции» В. Кожин, например, говорит о целом поколении литераторов, в котором «одни отвечали за городскую цивилизацию», другие — за деревню, природу, почву. То же самое, только еще более конкретных и масштабных очертаниях, наблюдается и в прозе.

Во-вторых, Ставрополье — искони край степной и хлебный, следовательно, образ Земли и Хозяина ее должен привлекать особое внимание литераторов.

В-третьих, подавляющее большинство тех, кто остается ставропольскими поэтами, могут сказать о себе: село — мое отечество. А это значит, что связь с землей нашей у них должна быть не просто географической, а глубоко социальной, философски осмысленной, если хотите, кровной, но при этом чуждой примитивному антиурбанизму.

...Кажется, это было во Франции давным-давно, когда строили знаменитый Шартрский собор.

—Что ты делаешь?— спросили одного из ремесленников.

—Я везу тачку с песком.

—А ты?— спросили другого.

—Я обтесываю камни.

—Ну, а ты?— спросили третьего.

—Я строю собор,— ответил он.

Один честно крутит колесо тачки, другой создает красоту на века — и то, и другое истина, но как несоизмеримы ее

масштабы.

Можно писать о земле, тщиться представлять в поэзии деревню, подкреплять это право свидетельством о рождении и командировочным удостоверением о поездке в «народ».

Но есть иное право — естественно ощущать себя сыном земли и народа, решительно вторгаться в современность со всеми ее сложными связями и диалектическими противоречиями, освещая это свое поэтическое вторжение аналитической мыслью и исторической перспективой.

И в стихотворении, как в светлой капельке росы, вдруг открываются бездонные глубины и могучие стихии.

Ну вот хотя бы пример, который можно теперь считать почти классическим.

Ее не видно по пути
к царь-пушке
за краем притемненного
угла.
Простецкая — точь-в-точь
с лесной
опушки,
с околицы забвенной
деревушки,
с кладбищенского
сельского бугра...
...И скольких здесь она
перевидала,
встречая, провожая
всякий раз
своих, чужих —
каких там ни
попало —
и отразилась а стольких
парах глаз,
по ней скользнувших
мимолетным
взглядом.

Будто бы простая пейзажная деталь — березка у Кремлевской стены. Обыкновенная, каких немало видел

каждый. Один скользил бездумным взглядом, иной безотчетно радовался или грустил, кто-то еще вспоминал по ассоциации свое личное, связанное с такой же вот березой. А поэт? Как глубок и объемен его взгляд. Для него это не просто дерево, а символ родной земли, великой, подчас трагичной ее истории, светлый и честный свидетель и летописец «всему, что пронесется, протечет».

Так это же Твардовский, скажете вы. Да, это Твардовский — вершина современной русской поэзии, человек, чье казалось бы простое, неприметное слово надежно обеспеченное «золотым запасом» переживаний и личного участия в больших и малых жизненных делах, превращается в голос времени, голос эпохи.

Вряд ли необходимо сравнивать себя с Твардовским тому, кто пишет о земле, о народе, о хлебе и времени, но равняться на него, на любовь его и мудрость, пронизательное животворное его слово, мне думается, не только можно, но и нужно.

Не могу не вспомнить в этой связи ставропольского поэта Александра Екимцева. По образу своих поэтических действий, по принципам отбора и оценки фактов и явлений, как-то по-особому высвечиваемых им в своих стихах, по спокойной, глубокой интонации он близок лучшим традициям современного русского стиха.

О чем он пишет? О Руси, о лесе, о горсти пшеницы, которую и стае солдатом носил в мешке русский мужик, да так и не успел посеять.

Поэт идет по земле. То, что он видит на ее поверхности, вызывает к жизни целую цепь размышлений, выводов. Природа родной земли для него, словно айсберг, подводная, несравненно большая часть которого — это судьба родной страны, особенности национального русского характера, нравственный и гражданский критерий личности человека.

И этот лес, и эти воды
Нет-нет да и подскажут мне:

Сложи недожитые годы
Всех, храбро павших на войне.
Сложу, волнуясь, годы эти —
Охватит сердце боль и грусть:
Недожиты тысячелетья
Твоими сыновьями, Русь!

Поэт просит жизнь щедрее делиться этим временем с новорожденными, чтобы они богатырями росли на солнечной земле. Его можно понять, с ним нельзя не согласиться, но ограничиться он этим, стихотворение не состоялось бы, оставшись просто строками «приятными во всех отношениях», видимостью содержания и поэзии.

Но он подводит нас к главному, чего он требует от жизни, что беспокоит и заботит его в человеке:

Еще прошу тебя:

из этих

Недожитых тысячелетий
Ты выдай тусу полчаса.

Устрой ему такой экзамен:

Пускай он эти полчаса

Посмотрит смелыми глазами

В свои трусливые глаза.

Пусть он себя

возненавидит.

Когда себя он разглядит.

Пусть сам с собой сражаться
выйдет.

Пусть сам себя он победит.

«Пусть сам себя он победит» — в этих словах ключ ко всему стихотворению, выражение мировоззрения автора, его неприятия зла, подлости, стремления видеть человека сильным, прекрасным, способным победить в себе раба.

Землю, природу и все, что с нею связано, Александр Екимцев рисует лаконично, но зримо. Она для него не вещь в себе, не повод для лирических ажиотажей и жонглирования красотами. Природа — действенный участник его поэтического конфликта, выразитель отношения к жизни и гражданской позиции.

Быть может, его поэзия — еще не громада собора, но к ней ведет поэта творческая мысль, а не к прилежному колесу работающей тачки.

Хотя... тачки тоже нужны — без них или чего-то их заменяющего и сегодня ничего не построишь,— скажете вы. И будете правы. Да, нужны они и в поэзии, но только не надо выдавать их за орудия божественной мысли, причислять к рангу глаголов, коими пророк жжет сердца людей. Умение верифицировать, создавать своего рода «поэт-минимум» или проще «мини-поэзию» (речь идет, разумеется, не о размерах стиха, а о масштабности мысли) — ничего общего не имеет с мастерством, которое обеспечено глубиной чувства и таланта. В первом случае, несмотря на благие намерения, изощренную техничность и некоторую искусность ума, содеянное так и останется пустой рифмованной оболочкой, стыдливо приукрашенной, взятыми на прокат истинами.

Но истины, взятые на прокат, нынче не в цене. Слишком много проблем острых, а порой и просто неотложных ставит перед поэтом жизнь вообще и сельская, как один из главных ее аспектов, в частности.

О чем писал в 1937 году в своем поэтическом сборнике «Казачья дума» поэт ставропольских нив Андрей Исаков? Воспевал колхоз, пересказывал воспоминания деда-батрака, радовался первому самолету.

В цветенье дней, в многоязыком крае

Понятен нам твой клич
большевика.

Не потому ль колхозным
урожаем

Бьем по врагу, как лезвием
клинка.

Жизнь идет вперед. И таков ее ритм, что не только тридцатилетие, а два-три года уже вводят поэта в мир, еще более усложнившийся, ставят вопросы, на которые раньше не возникало необходимости отвечать.

Расцвет колхозного строя, все возрастающие материальные и духовные богатства нынешних хозяев земли, переключают и поэта с проблем социально-экономических и агитационно-хозяйственных, на проблемы морально-этические, психологические и даже философские.

Взять хотя бы отношения человека и природы. Ну, скажем, у нас на Ставрополье, на частице большой нашей земли. С одной стороны, гигантский трудовой размах покорителей безводных степей — строителей Большого Ставропольского канала; земля, щедро платящая за труд и любовь тем, кто связал с ней свою судьбу; села, что превращаются в города (а их число у нас нынче уже идет к десятку!)... С другой стороны...

«Вопрос сегодня стоит о судьбе северокавказских черноземов, быть здесь пшеничным полям или не быть. Печальный и трагичный опыт канадских и других североамериканских прерий, говорит о том, что каши черноземы могут погибнуть. ...Но этот же опыт говорит о другом — о возможности преодоления стихии. То, что сделано человеком плохо, он может исправить — это еще не поздно. Но вместе с тем это ведь и последний звонок, за которым последует — поздно, если не принять самых энергичных, самых срочных и экстренных мер», — пишет в одной из своих статей ставропольский ученый А. Никонов, человек, влюбленный в землю и самоотверженно защищающий ее от неумелого, хищнического, бездумного разбазаривания, порожденного тем, что на каком-то этапе коллективного хозяйствования мы допустили ослабление личной, ответственности каждого за землю, переданную нам в «бессрочное и бесплатное» пользование отцами и дедами, завоеванную и вынужденную ими.

Это, разумеется, не значит, что поэт должен немедленно начать воспевать в стихах переход на почвозащитную систему земледелия.

Но разве не дело поэта воспитывать в читателе чувство прямой,

живой связи с окружающим миром, важнейшие свойства души — верность земле, спокойную хозяйскую мудрость, честность и цельность в поступках и душевном настроении? И кто, как не он, должен помочь нам увидеть человека и землю в свете гармонического развития личности, во всей сложности их нравственных и социальных отношений?

Из сборника в сборник, из альманаха в альманах кочуют стихи, восторженно регистрирующие чисто внешние приметы современной колхозной жизни: чабана с транзистором, гул комбайнов в степи, улицу новых колхозных домов. Поверхностные впечатления от недолгих наездов в сельские места:

На душе, как на празднике, ярко
И бродяжеской (!) долей влеком
Свои вирши читаю дояркам.
Что пропахли парным
молоком,—

сменяются чуть ли не описанием технологического процесса, приукрашенным банальными афоризмами.

«Жизнь, как быстрая речка несетя... Но везде, где б ни странствовал я, помнить мне ставропольское солнце, ставропольские помнить поля»,— восклицает Валентин Марьинский в своем стихотворении «Хлеб». А дальше бойко и «складно» (как тут не вспомнить Василия Рослякова с его отчаянием по поводу грамотных, но бессодержательных стихов!) автор излагает в рифмованных строках то, что уже было, было в газетах, журналах, книгах, плохих скороспелых стихах, даже не потрудившись отыскать хоть малейшего намека на собственный поворот темы. Ведь нельзя же в самом деле всерьез относиться и следующим «откровениям»:

И слежу я душой восхищенной,
Как на стрелках гремя там и
тут,
Ставропольского хлеба вагоны
С каждым годом все чаще идут.

И когда открываются двери
В занебесную звездную даль,
Я в одном безусловно уверен:
И туда полетят поезда (!)

Вялость мысли, пустословие и в результате: высокие слова, повторяемые всуе «теряют вес, как мухи мрут».

Сможет ли удовлетворить такая поэзия сегодняшнего жителя села? Он ведь очень непрост. Он агроном и врач, экономист и учитель, он механизатор с десятилетним образованием и животновод — заочник института. Очень часто книголюб, как правило, владелец телевизора, активный читатель библиотеки.

Что возьмет его за душу? Парадное громыхание высоких слов или истинное проникновение в его, хлебороба 70-х годов, душу? Село наше давно и заинтересованно ждет своих поэтов, философов, открывателей.

Показать духовно-нравственные богатства народной жизни, так ярко проявившиеся и в истории Родины, и в ее сегодняшнем дне, морально-этические ценности, что составляют основу национального характера и культуры, углубить тему интернациональной общности духовного и кровного единства братских наших народов, поднять проблему преемственности и переосмысления роли крестьянского труда в нашем обществе...— как это важно и нужно сегодня и людям, и самим поэтам, если они хотят быть услышанными и понятыми.

Хотя, впрочем, трудно себе представить поэта, который бы этого не хотел. И у поэтов Ставрополья есть в этом смысле определенные заслуги. В свое время многое сделали сначала Андрей Исаков, затем Владимир Гнеушев, Иван Кашпуров...

То, что было написано ими в 60-е годы, пользовалось успехом, было нужно читателю. Но, увы! Сегодня уже звучит куда слабее. В чем дело? Беда это или вина, что стихи светят нынче все-таки отраженным светом, а не своим собственным?

Нельзя не согласиться с мыслью многих наших критиков о том, что лет десять назад, в стихах все-таки преобладали внешняя связь с жизнью, и поэтому, несмотря на определенный успех, стихи умирали, как только исчезали из жизни те или иные приметы времени. Некоторые из поэтов это поняли, осознали необходимость подлинной содержательности в поэзии, те же, кто успокоился достигнутым, увидел в нем некий аванс на творческое благополучие в будущем, сегодня не слишком радуют своего помудревшего и ставшего более взыскательным читателя.

Обращусь к поэмам Ивана Кашпунова «Песнь о друге» и «Окоем», написанным что называется на «местном» материале, снабженном и экскурсами в прошлое, и размышлениями о сегодняшнем дне. Ну и что же?

«Песнь о друге» нельзя читать без внутренней неловкости за автора, подменившего в ней истинно высокий гуманизм слезливой сентиментальностью и громкими, а порой и грубыми декларациями. Слов нет, и юный колхозный бухгалтер, сгоревший от туберкулеза в тяжкие военные годы, может быть героем поэмы. Но для этого он должен быть такой личностью, так раскрыт поэтом, чтобы нравственный подвиг его соответствовал времени и был тем не менее глубоко индивидуальным.

И измеряй Кашпуров свое нынешнее творчество по закону «за всех расплачусь, за всех расплачусь», быть может так бы оно и было. Но как раз вот этого глубокого осмысления и прочувствования темы, социального анализа ее не получилось. Поэмы эти в общем-то непохожие по форме (одна сюжетная, другая, так сказать, «буколическая») роднит поверхностность, необыкновенная легкость мысли.

Лирический герой поэмы «Окоем» «зеленым маем» путешествует по родному краю, подробно живописуя все, что встречает на своем пути: «Радость в сердце кипит, как Уруп, брызжет солнцем, весь мир озаряя. А тропа, на рассвете сырая, намоталась на холм, как

на клуб (видимо, имеется в виду не очаг культуры, а клубок.— И. П.) и невольно срывает с губ: «Здравствуй, даль без конца и без края!..»

С той же легкостью порхает авторская мысль над другими уголками Ставрополя, не поднимаясь выше приятных пейзажных зарисовок.

Все это тем более горько, что речь-то идет о поэте несомненно одаренном, своеобразном, просто и искренне присягнувшем земле еще в ранних своих стихах:

...Здравствуйте,
села родного люди,
Вам за все спасибо,
города.
Я в своем селе
своим и буду
надолго,
серьезно,
навсегда!

И было потом немало стихов хороших и светлых, покоряющих чарующей мелодикой русского песенного стиха и вместе с тем глубоких и емких по мысли. Вспомним хотя бы «Поэму про гармонию» — яркое, полное красоты полотно о жизни ставропольского села, о судьбах его людей, пробудившихся для новой жизни, о старенькой гармонии, которая была многие годы верным спутником сельских радостей и торжеств, да и теперь, когда

...в селе родимом ныне,
кроме песен из Москвы,
есть баяны, пианино,
два оркестра духовых...

благодарная память людская
читит скромного гармониста и звонкий
его инструмент

за игру его,
что силой
души наполнила не раз,
что напевами России
красоту будила в нас.

Много достойных, овеванных спокойной наблюдательной мудростью народной, стихов в хорошем поэтическом сборнике «Версты», вышедшем в 1967 году.

Поэту есть что продолжать и развивать а себе взыскательно и серьезно. Но, к сожалению, «Песнь о друге» и некоторые другие произведения последних лет дают основание думать, что именно взыскательность стала редкой гостьей его творческой мастерской, что на смену мучительным поэтическим поискам пришла облегченность штампа.

Ничто, кажется, так не грозит поэзии как отсутствие чувства, замена его искусственным возбуждением, стремлением выдать декларацию за высокий пафос, а отсутствие мысли за философский подтекст. Вероятно и то, и другое — естественные спутники настоящей поэзии, своего рода ракушечный балласт на днище корабля. Их появление вполне закономерно, важно лишь вовремя почувствовать это и забить тревогу.

Это необходимо и тем, кто уже вошел в когорту сложившихся поэтов, и особенно тем, кто только заявляет о себе первой книжкой, первыми стихами.

Мне кажется, радостью плодотворного общения с землей, своим видением и осмыслением мира, себя,— и в его беспредельной шири, и в тесных стенах старого отцовского дома, обладает Александр Мосинцев. Во всяком случае, некоторые из его стихов позволяют надеяться на это: скажем, полный безоглядной детской любви и лирической сдержанной грусти «Бабкин лес».

Над хулой, над бедой, над славой.
Возле омутов забытья.
Бродит там по измятым травам
Память солнечная моя.
Голенаста и большерука,
С детской верою в чудеса,
Окликает в речных излуках
Незнакомые голоса.

Зримы и вещественны связи с

отечеством — селом, ставшим воротами в большой и сложный мир у совсем молодого Георгия Пряхина. Тут нет еще духовной зрелости, а лишь поиск, попытки найти себя, свою даже не поэтическую, а человеческую судьбу. Пока некрепко слово, категоричны и не всегда безошибочны чувства и мысли. Но они есть — вот что главное. И есть память сердца, где живут отец и дед, и прадед, с тяжкой своей крестьянской долей, и Русь, светлая и печальная, добрая и беспощадная, и солдатские вдовы, и степные колючие акации — немудреное украшение родных мест, и горький хлеб осажденного Ленинграда.

А мастерство, подлинная поэтическая глубина, гармония мысли, чувства и слова — это уже дело времени, трудолюбия и беспощадной требовательности к себе.

Список поэтических имен с соответствующими комментариями и размышлениями можно было бы продолжить. Хочется верить, что теперь, после краевого семинара молодых литераторов, мы будем иметь возможность более полно знакомиться с их творчеством, и здесь, на страницах альманаха, и в газетах, и в поэтических сборниках.

Необходимо только напомнить им, что поэзия не признает визитных карточек, и даже самые широкие публикации не есть удостоверение о наличии истинного таланта.

Можно издать десяток книг и остаться не более как удачливым ремесленником. А можно одной лишь «Гренадой» стать Поэтом навечно.

ИРИНА ПИРОГОВА.